

АНГЛО-СОВЕТСКОЕ ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1921 года

Академик И. М. Майский

В ранней истории Советского государства торговое соглашение с Англией, заключенное в 1921 г., сыграло очень важную роль. Это был не просто дипломатический договор между двумя державами. Это был решающий прорыв капиталистической блокады, установленной вокруг нашей страны после Октябрьской революции, прорыв, за которым вскоре последовала полная ликвидация этой блокады. Англо-советское соглашение 1921 г. было ярким свидетельством победы Советской власти над ее врагами и фактическим признанием этой победы буржуазным миром. Сейчас, когда мы в связи с 40-летием Октябрьской революции обращаемся к эпохе создания Советского государства, полезно вспомнить обстоятельства, при которых был завоеван этот крупнейший успех советской дипломатии, и нарисовать исторически правильную картину его рождения. Тогда людям современного поколения станет яснее, какой большой и славный путь прошла наша страна под руководством ленинской партии за минувшие четыре десятилетия.

Октябрьская революция была встречена буржуазной Англией крайне враждебно. Однако здесь сразу же наметились две линии, которые во взаимной борьбе и с переменным успехом прошли через всю историю советско-английских отношений между двумя мировыми войнами.

Первую линию представляли так называемые «твердолобые» во главе с тогдашним министром иностранных дел Керзоном и военным министром Черчиллем. Они относились к Советской республике с глубокой враждебностью и были твердо убеждены, что Советская власть — это карточный домик: дунь на него, и ничего не останется. Таково же было вначале и настроение большей части прессы — не только консервативной, но и либеральной.

Так, официоз Ллойд-Джорджа либеральная «Daily Chronicle» 17 ноября 1917 г. писала: «Большевики, по-видимому, еще являются хозяевами Петрограда, но их власть шатается».

Неделей позже, 24 ноября, либеральная «Daily News» заявляла: «Большевистское правительство... обречено». Два дня спустя та же газета опубликовала следующую телеграмму из Стокгольма: «Власть большевиков слабеет, и даже сам Ленин и его сторонники считают, что они не смогут удержаться».

Когда в первых числах января 1918 г. в английских правительственных кругах стал обсуждаться вопрос о возможности признания де-факто Советского правительства, консервативная «Daily Telegraph» возмущенно обрушилась на сторонников признания, восклицая: «Советское правительство может прекратить свое существование в любой момент, и ни один здравомыслящий человек не даст ему жизни больше месяца»¹.

Отсюда сторонники первой линии делали практический вывод: надо возможно скорее ударить по Советской власти, и, как известно, эта «по-

¹ «Daily Telegraph», 5 января 1918 года.

литика дубины» в последующем не осталась только теоретическим положением.

Вторая линия может быть названа реалистической. Ее представители, по существу, относились к Советской власти не менее враждебно, чем Керзон и Черчилль, но они не считали ее карточным домиком. Эти люди во главе с тогдашним премьером Ллойд-Джорджем² думали, что дело тут значительно серьезнее и что Советское государство может «зажиться» на свете гораздо дольше, чем то было желательным буржуазной Англии. Поэтому они готовы были следовать традиционному английскому правилу «to face facts» («считаться с фактами»), то есть постараться использовать новую ситуацию в британских интересах и, если нужно, в известной степени к ней приспособиться. Своей козырной картой реалисты считали торговлю. Через торговлю и другие экономические и финансовые каналы они надеялись способствовать разложению «большевистского тыла» и в конечном счете восстановлению капитализма в России.

Как видим, разница между обеими линиями была не принципиальная, а тактическая, но она все-таки диктовала их представителям разные практические действия. И если твердолобые прямо и открыто осуществляли политику военной интервенции со всеми вытекающими отсюда последствиями, то реалистам приходилось идти более сложными и извилистыми путями. Но цель, к которой стремились те и другие, была одна: ликвидация завоеваний Октябрьской революции. Тем не менее с точки зрения внешней политики Советского государства разница между твердолобыми и реалистами имела свое значение, и Советское правительство под искусным руководством Ленина стремилось использовать и действительно использовало в интересах социалистической революции открывавшиеся тут возможности.

Так, когда в январе 1919 г. по инициативе Ллойд-Джорджа и президента Вильсона Парижская мирная конференция приняла известное решение о созыве на Принцевых островах (в Мраморном море) конференции представителей всех фактически существовавших тогда на территории бывшей царской империи правительств³ в целях ликвидации гражданской войны и установления мира в России, Советское правительство дало блестящий образчик искусного политического маневрирования. Расчет Клемансо, стоявшего тогда во главе французского правительства, был прост: он не сомневался, что большевики откажутся сесть за один стол с белогвардейцами и это даст богатый материал для антисоветской агитации. Расчет Ллойд-Джорджа и Вильсона был сложнее: они полагали, что в случае успеха конференции мир в России, очевидно, сможет быть восстановлен на базе тогдашней конфигурации фронтов, а это будет означать, что большая и самая богатая часть России останется в руках белогвардейских правительств и, стало быть, окажется в орбите капиталистического мира. Фактически, однако, произошло нечто совсем иное: 4 февраля 1919 г. Советское правительство направило Парижской мирной конференции ответ, в котором не только соглашалось на участие в конференции на Принцевых островах, но и заявляло о своей готовности пойти на ряд существенных уступок. Советский ответ выбил почву из-под ног Клемансо. Тогда он прибег к другому методу для срыва конференции: по его указанию все белогвардейские правительства, а также правительства Эстонии, Латвии и Литвы отказались явиться на Принцевы острова. После этого французский министр иностранных дел Пишон 11 февраля 1919 г. заявил, что «созыв... конференции не имеет больше смысла»⁴.

² В речи на IX съезде Советов 1921 г. Ленин охарактеризовал Ллойд-Джорджа как одного «из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства» (В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 120).

³ См. «Известия», 4 и 5 февраля 1919 года.

⁴ «Правда», 12 февраля 1919 года.

С учетом только что рассказанного в высшей степени странно звучит следующее заявление Ллойд-Джорджа по поводу конференции на Принцевых островах в его труде «Правда о мирных договорах».

«Эта хорошо задуманная попытка умиротворения России и ее восстановления в содружестве наций кончилась неудачей. Ни одна из заинтересованных сторон не захотела встретиться с другой на конференции. Большевики не хотели признавать, что их оппоненты имеют какой-либо статус»⁵.

Историческая истина выглядит совсем иначе.

Когда после краха проекта о конференции на Принцевых островах в РСФСР в марте 1919 г. прибыл по поручению Вильсона Буллит (один из второстепенных членов американской делегации на Парижской мирной конференции), Советское правительство точно так же использовало и этот случай в интересах социалистической революции. Буллит был встречен в Петрограде наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. Здесь Чичерин при содействии М. М. Литвинова начал с Буллитом переговоры. Скоро, однако, выяснилось, что вести переговоры в Петрограде крайне неудобно, ибо все основные вопросы должен был решать Ленин, находившийся в Москве. Тогда переговоры были перенесены в Москву, где с санкции Ленина 12 марта 1919 г. с Буллитом был согласован проект мирного договора, построенный примерно на тех же принципах, что и нота Советского правительства от 4 февраля⁶. По возвращении в Париж Буллит доложил привезенный им проект Вильсону и Ллойд-Джорджу, однако никакого дальнейшего развития это дело не получило.

Причина неудачи описанных выше мирных попыток была ясна: в начале 1919 г. Колчак вел большое и на первых порах успешное наступление на Восточном фронте, и руководители Антанты, в том числе Вильсон и Ллойд-Джордж, предпочитали выжидать его исхода.

В январе 1919 г., в вышеописанной обстановке, Советское правительство поставило перед британским правительством вопрос об обмене пленными. Затем последовал продолжительный обмен радиотелеграммами⁷, из которого уместно привести следующие.

13 февраля Советское правительство предложило допустить в Англию советскую комиссию «для принятия всех подготовительных мер для общего обмена». 21 марта британский министр иностранных дел лорд Керзон ответил на это предложение решительным отказом.

8 июня Советское правительство снова предложило произвести общий обмен пленными, исключая, однако, английских офицеров, которых оно «имело в виду обменять на наших отдельных видных товарищей, захваченных англичанами в Баку и Персии». 29 июня лорд Керзон отверг план общего обмена, распространяющийся на всех союзников, и предложил обмен офицеров и солдат голова за голову и вслед за тем гражданских пленнх голова за голову. Для собирания сведений о желавших вернуться к нам из Англии гражданах он соглашался допустить в пределы Англии каких-либо нейтралов, но непременно высокопоставленных.

8 июля Советское правительство ответило Керзону, «что наше понятие о высокопоставленности совершенно отличается от понятия английского правительства и что для контроля над обменом и т. п. мы считаем

⁵ D. Lloyd-George. The truth about the peace treaties. Vol. I. London. 1938, p. 366.

⁶ «Советско-американские отношения, 1919—1934 годы». Сборник документов по международной политике и международному праву. № 9. М. 1934, стр. 37—39.

⁷ Приводимые ниже сведения об обмене радиотелеграммами между Советским и британским правительствами почерпнуты из заявления Народного комиссариата иностранных дел, опубликованного в «Правде» 29 ноября 1919 года.

необходимым допущение в Англию или хотя бы в нейтральную страну наших непосредственных представителей».

15 сентября, когда полностью обнаружился развал колчаковского фронта, лорд Керзон дал согласие на предоставление советской комиссии возможности отправиться в нейтральную страну, каковой была указана Дания, причем несколько ограничивались условия пребывания там комиссии.

19 сентября Советское правительство заявило, что «вместо Дании предпочитает Норвегию или Швецию», и потребовало изменения условий пребывания там советской комиссии.

15 октября лорд Керзон ответил, что настаивает на Дании, но соглашается на предложенные Советским правительством изменения в условиях пребывания комиссии.

16 октября Советское правительство согласилось на поездку советской комиссии в Данию.

Наконец, 7 ноября, после разгрома Юденича под Петроградом, от лорда Керзона было получено согласие на отправку в Данию советского делегата — М. М. Литвинова.

Так начались переговоры между РСФСР и Англией. Вначале речь шла лишь об обмене немногими военнопленными, но благодаря искусству ленинской дипломатии эти переговоры постепенно переросли в переговоры первостепенного политического значения и завершились подписанием договора, впервые установившего официальные отношения между одной из ведущих капиталистических держав и Советским государством. В последующем этот договор служил прототипом при заключении договоров между РСФСР и рядом других буржуазных государств.

Переходя к изложению самого хода переговоров, о которых идет речь, я прежде всего приведу рассказ М. М. Литвинова⁸ об их подготовке и первой стадии.

«Число находившихся у нас пленных англичан было ничтожно,— говорил М. М. Литвинов,— всего 35 офицеров⁹, попавших к нам в плен на Кавказе. Но среди них имелись члены английских аристократических семей. Родственники пленных офицеров очень беспокоились об их судьбе и все время требовали от Керзона возвращения их на родину. По моему совету наше правительство сконцентрировало всех пленных англичан в Москве, и с некоторыми из них я имел личный разговор в НКВД,

⁸ Происхождение цитируемых здесь воспоминаний М. М. Литвинова таково: я неоднократно убеждал М. М. Литвинова написать мемуары, но безуспешно. Тогда я предложил ему рассказывать мне по крайней мере о некоторых наиболее интересных эпизодах своей дипломатической работы. М. М. Литвинов согласился. В свободные минуты мы встречались, и М. М. Литвинов рассказывал. Потом я записывал его рассказ и давал ему прочитать запись. Иногда М. М. Литвинов вносил в мою запись те или иные поправки. Один экземпляр записи он брал себе, а другой оставлял мне. Приводимая в тексте запись рассказа М. М. Литвинова о его работе в Дании в 1919—1920 гг. возникла именно таким образом.

В данной связи считаю излишним заметить, что вышедшая в середине 1955 г. в Лондоне книга «M. M. Litvinoff. Notes for a diary» («М. М. Литвинов. Заметки для дневника») является фальшивкой. Английская печать отнеслась к ней с заслуженным недоверием (см., например, рецензии в еженедельниках: либеральном «Economist», консервативном «Spectator» и лейбористском «New Statesman and Nation»). В № 4 издаваемого Глазговским университетом журнала «Soviet Studies» за 1956 г. был напечатан подробный разбор названной книги, неоспоримо доказывающий ее подложность. Можно лишь пожалеть, что столь серьезный историк, как Е. Х. Карр, согласился снабдить книгу своим предисловием.

⁹ В «Годовом отчете НКВД к VIII съезду Советов» (М. 1921, стр. 15) говорится: «В руках советских властей находилось к тому времени всего лишь с полсотни английских военнопленных, в том числе десятка два офицеров, освобождением которых английское правительство главным образом и интересовалось».

куда их доставляли из мест заключения. Все офицеры настойчиво просили ускорить их возвращение домой. Я отвечал, как то и соответствовало истине, что Советское правительство готово начать переговоры об обмене пленными, но английское правительство от этого уклоняется. Пленные офицеры, имевшие право переписки с родными, естественно, сообщали домой о содержании разговоров со мной и требовали согласия британского правительства на немедленное открытие переговоров. Родственники офицеров осаждали просьбами Керзона. Это сыграло свою роль в ускорении начала переговоров.

Когда наконец ближе к концу 1919 г. вопрос об обмене пленными был принципиально решен, началась техническая подготовка встречи. Это являлось в тогдашних условиях нелегким делом. Советская Россия находилась в кольце военно-политической и экономической блокады. Мы были отрезаны от всего мира. Что было делать?

Я поставил вопрос так: поскольку РСФСР не имеет отношений с другими странами, всю техническую подготовку встречи должно произвести британское правительство. Керзону это, конечно, не нравилось, но в конце концов он вынужден был пойти нам навстречу. В результате англичане провели всю подготовительную работу, включая переговоры о моем пропуске через эстонский военный фронт (который тогда еще существовал) и страны, лежавшие на пути моего следования в Копенгаген.

В конце ноября 1919 г. я выехал туда в сопровождении моего «аппарата», который состоял из двух машинисток — Зарецкой и Милановой. Мы были пропущены через советско-эстонский фронт и прибыли в Ревель. Англичане прислали туда специальный пароход, который доставил нас в Копенгаген. Здесь уже находился английский уполномоченный О'Грэдди со своими сотрудниками (конечно, гораздо более многочисленными, чем мои); среди них особую роль играли два представителя «Интеллидженс Сервис». Датские круги встретили меня крайне враждебно. Датская пресса с самого моего появления в Копенгагене повела кампанию против РСФСР и против меня лично. Датская общественность, включая большинство социал-демократов, меня бойкотировала. Насколько трудно было положение, свидетельствует история с размещением советской миссии в датской столице.

Здесь я прерву рассказ М. М. Литвинова и приведу отрывок из радиотелеграммы Народного комиссара Г. В. Чичерина, адресованной Керзону. Вот что там сообщается об этих трудностях:

«Наш делегат Литвинов пытался игнорировать присутствие многочисленных сыщиков, пока факт их назойливой деятельности не побудил содержателя гостиницы, в которой он жил, отказать ему от квартиры... По тем же причинам гостиница, где г. О'Грэдди весьма любезно распорядился нанять комнаты для нашего делегата, вернула ему уплаченные вперед деньги, не желая сделаться местом сборища толпы надоедливых полицейских агентов. Г. О'Грэдди, проявлявший все время величайшую любезность и внимательность, имеет в своем распоряжении доказательства всего этого. Даже теперь нашему делегату отказано в праве свободного выбора местожительства. Он нанял по соглашению с г. О'Грэдди подходящее помещение в загородном отеле, но датское правительство запретило ему жить в этом отеле»¹⁰.

В конце концов благодаря давлению англичан, и прежде всего лично О'Грэдди, вопрос о помещении был разрешен.

«Самые переговоры об обмене военнопленных, — сообщал М. М. Литвинов, — начались сразу же после моего прибытия в Копенгаген. Соглашаясь на них, Керзон, как явствовало из его прежних заявлений, рассчитывал, что они будут непродолжительными (несколько дней) и ограничатся лишь вопросом об обмене 35 английских офицеров на некоторое

¹⁰ «Правда», 10 февраля 1920 года.

число военнопленных, находившихся в руках Великобритании. Я же приехал в Копенгаген с совсем другими установками, полученными мной от В. И. Ленина. Моей целью было: 1) добиться в обмен на 35 английских офицеров возвращения возможно большего количества русских пленных и 2) затянуть свое пребывание в Копенгагене на возможно более долгий срок. Последнее диктовалось следующими соображениями: при отсутствии отношений между РСФСР и другими странами моя миссия фактически превращалась в единственное представительство Советского правительства за границей, что облегчало ему сношения с иностранными государствами и демократической общественностью Европы; вместе с тем это обеспечивало Советскому правительству нечто вроде признания де-факто со стороны ряда стран, искавших по различным мотивам контакта с РСФСР. С помощью методов маневрирования, сочетавших твердость и гибкость, мне удалось полностью выполнить директивы В. И. Ленина и добиться указанных целей. В частности, мои переговоры с О'Грэди вместо нескольких дней растянулись на 9 месяцев.

В соответствии с инструкциями Керзона О'Грэди сначала думал вести переговоры в самом узком масштабе, то есть лишь об обмене 35 англичан на тех русских, которые находились в британском плену. Я сразу же разочаровал его и потребовал, чтобы в обмен на 35 английских офицеров нам были возвращены все русские военнопленные, имевшиеся во всех странах (кроме Германии) — Франции, Италии, Бельгии и т. д. Особенно я настаивал на получении военнопленных, находившихся в Дании (их было здесь не менее 10 тыс., ибо в Данию бежало много военнопленных из Германии)».

Тут я снова прерву рассказ М. М. Литвинова и приведу следующие подробности о выдвинутых им требованиях. Возвращению подлежали: а) около 100 архангельских заложников, увезенных англичанами при эвакуации их с севера, б) русские пленные, арестованные в свое время в Персии и увезенные англичанами в Индию, в) русские граждане, интернированные английским правительством в Турции, Египте и в английских колониях, г) русские военнопленные, бежавшие из Германии и интернированные в Дании, Бельгии, Голландии и т. д. Далее М. М. Литвинов требовал допущения советского представителя в международную комиссию, ведавшую вопросами русских военнопленных в Германии, а также предоставления советскому представителю возможности оставаться за границей до полной репатриации всех вышеуказанных категорий советских граждан¹¹.

Возвращаюсь, однако, к рассказу М. М. Литвинова.

«О'Грэди сначала был просто потрясен нашими требованиями, — вспоминал М. М. Литвинов, — и пробовал убедить меня не настаивать на столь обширной компенсации за 35 англичан. В этом духе на него оказывали сильное воздействие двое представителей «Интеллидженс Сервис», о которых я уже упоминал. Однако я был непреклонен, и О'Грэди в конце концов пришлось сообщить в Лондон о моих требованиях. Керзон был, конечно, возмущен до глубины души и сначала не хотел уступать. Создалось очень острое положение. Пошли слухи о разрыве переговоров¹², но я не сдавался. Начался длительный обмен телеграммами между О'Грэди и Керзоном. Родственники английских офицеров продолжали осаждать Керзона. Керзон злился, но шаг за шагом стал отступать. На все это требовалось время. Переговоры затягивались. О'Грэди нервничал, а я усмехался: ведь затяжка переговоров вполне со-

¹¹ «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов», стр. 13—14.

¹² В «Правде» 19 декабря 1919 г. было опубликовано заявление НКВД, в котором, сообщив о трудностях, возникших в Копенгагене из-за неуступчивости английской стороны, газета в заключение писала: «Можно ожидать, что в один из ближайших дней тов. Литвинов покинет Копенгаген».

ответствовала полученным мной от Ленина директивам. В конечном счете нам удалось одержать полную победу, и 12 февраля 1920 г. мной и О'Грэди было подписано соглашение, по которому в обмен на 35 английских офицеров мы получали всех русских военнопленных из Англии и всех других стран. Притом все переговоры с Францией, Италией и другими государствами по этому вопросу должны были взять на себя англичане, ибо у РСФСР с ними не было никаких отношений. В некоторых случаях британское правительство просто советовало соответственным правительствам обратиться непосредственно ко мне. В результате я заключил в Копенгагене соглашения об обмене военнопленными с Францией, Бельгией, Венгрией. Тем самым возрастал международный престиж РСФСР и укреплялось ее признание де-факто.

Далее стал вопрос о транспортировке русских военнопленных на родину. Нужны были суда. У нас их не было, и нам трудно было их зафрахтовать у каких-либо иностранных судоходных компаний. Я потребовал, чтобы суда были предоставлены англичанами. О'Грэди, а еще больше Керзон опять были возмущены и некоторое время упирались. Но я настаивал. Переговоры снова затянулись, что шло по линии наших желаний. О'Грэди просил меня уступить, но я оставался непреклонным. Спустя некоторое время англичане не выдержали и еще раз пошли нам навстречу: суда для перевозки русских военнопленных были ими предоставлены, и притом бесплатно. По мере того как судно с русскими военнопленными прибывало в советский порт, освобождалась часть английских офицеров. Последний английский офицер покинул советскую землю, когда последний русский военнопленный вступил на нее.

В ходе обмена, который занял немало месяцев, О'Грэди однажды обратился ко мне с убедительной просьбой разрешить отправить в Петроград судно с продовольствием и одеждой для английских военнопленных в РСФСР (все те же 35 офицеров!) и застрявших в России граждан (гувернантки, служащие и т. п.). Я ответил ему так: в принципе мы, конечно, не можем против этого возражать, но по политическим соображениям Советскому правительству трудно исполнить сейчас его просьбу. В самом деле, если в Петроград придет пароход с продовольствием и одеждой для английских пленных в то время, как советское население голодает (продовольственное положение в столицах тогда было очень трудное), то это, несомненно, вызовет большое возмущение среди широких масс. Вот почему я никак не могу рекомендовать своему правительству исполнить просьбу О'Грэди в том виде, как он мне ее изложил. Однако если бы одновременно с пароходом, везущим продовольствие для англичан, в Петроград пришел другой пароход, доставивший какие-либо товары для советского населения, положение создавалось бы иное. Я думаю, что в такой форме просьба О'Грэди могла бы быть удовлетворена. Советское правительство готово, конечно, затратить необходимые средства на снаряжение парохода с продовольствием, но англичане должны обеспечить ему свободный проход через линию блокады. Британское правительство приняло мое предложение. Я даже получил возможность обменять 5 млн. рублей золотом на иностранную валюту. В конечном счете в Петроград вместе с пароходом, доставившим продовольствие и одежду для англичан, прибыл пароход с продовольствием для советских граждан¹³.

Должен сказать, что от г. О'Грэди у меня осталось хорошее воспоминание. Ирландец по национальности, лейборист по партийной принадлежности, он был послан в Копенгаген, так как британское правительство полагало, что ему, как представителю рабочих, будет легче сговориться с большевиками, чем кому-либо из буржуазных политиков или дипломатов.

¹³ Об этом факте см. также «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов», стр. 17.

Лично О'Грэди не питал особой враждебности к советскому режиму... Поэтому там, где он не видел большого ущемления британских интересов, он готов был идти нам навстречу. Мало-помалу между нами сложились вполне приличные отношения, и О'Грэди всегда внимательно прислушивался к моим словам. Однако О'Грэди не был хозяином положения. Его ограничивали, во-первых, двое представителей «Интеллидженс Сервис», находившиеся в Копенгагене и игравшие при нем роль «комиссаров». Его далее ограничивал — притом решающим образом — Лондон, и в первую очередь Керзон, а затем британское правительство. Отсюда исходили все трудности и преграды. Лично О'Грэди их не увеличивал, а нередко старался уменьшить».

В Копенгагене М. М. Литвинов занимался не только вопросом обмена английских пленных на советских. Поскольку в течение 9 месяцев он являлся единственным представителем РСФСР за рубежом, к нему стали обращаться различные правительства, учреждения и лица по всем вопросам, так или иначе связанным с Советской Россией.

«Французское правительство,— сообщалось в «Годовом отчете НКВД к VIII съезду Советов»,— упрекающее английское правительство в нарушении союзнической солидарности вступлением в переговоры с агентами Советского правительства, в конце концов, под влиянием успехов Красной Армии, не выдержало своей роли и само отправило в Копенгаген делегата для вступления в переговоры, как от своего имени, так и от имени бельгийского правительства»¹⁴.

Результатом этих переговоров явилось соглашение от 20 апреля 1920 г. между Советским правительством, с одной стороны, французским и бельгийским правительствами, с другой, об обмене военнопленными¹⁵.

Почти одновременно аналогичные соглашения были заключены М. М. Литвиновым с датским, итальянским, австрийским и венгерским правительствами.

«Соглашение с Австрией и Венгрией,— отмечалось в «Годовом отчете НКВД к VIII съезду Советов»,— предусматривало полный нейтралитет со стороны этих двух государств в войне России с Польшей (которая началась в апреле 1920 г.— И. М.). Благодаря соглашению с австрийским правительством удалось вырвать из плена бывших народных комиссаров Советской Венгрии — т. Бела Куна и других. Равным образом по тем же договорам с Австрией и Италией устанавливался обмен представительствами с этими странами. Кроме того, М. М. Литвиновым велись переговоры в Копенгагене с представителями шведского, голландского и швейцарского правительств, благодаря чему был урегулирован вопрос о взаимной регистрации граждан этих стран и Советской России. Неофициально М. М. Литвинов поддерживал контакт с представителями некоторых держав, которые из страха перед Антантой не решались вступать в официальные переговоры»¹⁶.

К М. М. Литвинову обращались также представители культуры, науки, общественности, деловых кругов.

«Ко мне приходили,— вспоминал М. М. Литвинов,— люди из разных стран, искренне желавшие разобраться в том, что происходит в нашей стране и к чему мы стремимся, и я давал им необходимые разъяснения. Таким путем мне удалось создать немало друзей РСФСР, которые в дальнейшем оказали нам ряд ценных услуг. В данной связи могу упомянуть об одной датчанке, дочери основателя Датской социал-демократической партии, которая вскоре после моего прибытия в Копенгаген

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сообщение М. М. Литвинова. «Правда», 23 апреля 1920 года.

¹⁶ «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов», стр. 17.

предложила свое содействие нашей миссии. Занимая видное общественное положение (она была женой крупного датского артиста), она облегчила мне установление контактов с датскими культурными и политическими кругами, включая членов датского правительства. И это был далеко не единственный пример.

Обращались ко мне также «деловые люди» различных стран, которые хотели торговать с РСФСР и искали путей для проникновения на советский рынок. Настойчивость «деловых людей» стимулировалась в особенности тем обстоятельством, что в 1920 г. начался послевоенный экономический кризис. Со мной вели переговоры шведские промышленники, итальянские кооператоры, датские купцы и т. д. Одна датская фирма при моем содействии заключила с Советским правительством сделку на продажу большой партии семян, в которых мы тогда остро нуждались. Но, конечно, самые важные торговые переговоры в эти месяцы у меня происходили с Англией».

Необходимо напомнить, имея в виду последнее замечание М. М. Литвинова, что экономическая блокада, которой в 1918—1919 гг. была подвергнута Советская Россия, в начале 1920 г. пришла к концу. Разгром Колчака, Деникина и Юденича заставил руководителей Антанты убедиться в их бессилии раздавить Октябрьскую революцию с помощью оружия. Вместе с тем растущие экономические трудности, вызванные окончанием войны и послевоенным кризисом, толкали Англию, Италию, а отчасти и Францию на поиски новых рынков. В такой обстановке 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты решил снять блокаду с Советской России.

«Снимая блокаду,— рассказывал М. М. Литвинов,— совет Антанты провозгласил лицемерную формулу, сводившуюся к тому, что страны Антанты готовы торговать с «русским народом», но не с Советским правительством. Так как в тогдашних условиях мы были очень заинтересованы в возобновлении торговли с капиталистическими странами и прежде всего с Англией, то Советское правительство решило выдвинуть в качестве органа, ведущего торговлю с заграницей, Центросоюз, который даже наши противники вынуждены были рассматривать как общественную организацию, то есть как непосредственное представительство «русского народа». Советское правительство назначило для торговых переговоров с Англией делегацию в составе Красина, Ногина, меня и одного работника Центросоюза. Формально мы все являлись представителями Центросоюза. Делегация должна была отправиться в Лондон. Но тут неожиданно вышло осложнение: английское правительство отказалось выдать мне визу, как лицу, в 1918 г. высланному из Великобритании¹⁷. Тогда Советское правительство, в свою очередь, отказалось послать свою делегацию в Лондон. Так как, однако, английский премьер Ллойд-Джордж был очень заинтересован в развитии торговли с Советской Россией, то переговоры все-таки начались, но только не в Лондоне, а в Копенгагене. Ллойд-Джордж прислал сюда одного из своих секретарей, Е. Ф. Уайза¹⁸, который и вступил в контакт с делегацией Центросоюза.

Очень скоро выяснилось, что в Копенгагене, вдали от обоих правительств, переговоры затруднительны и излишне затягиваются. Между тем наши противники проявляли все возрастающий интерес к торговле

¹⁷ В 1918 г. М. М. Литвинов был де-факто дипломатическим представителем РСФСР в Англии на таких же основаниях, на каких Брюс Локкарт был де-факто дипломатическим представителем Англии в РСФСР. Когда Брюс Локкарт за свою контрреволюционную деятельность был арестован в Москве, Литвинов в виде контрreprесии был арестован в Лондоне. В дальнейшем по соглашению между Советским и британским правительствами был произведен обмен Литвинова на Локкарта. В связи с этим Литвинов считался высланным из Англии в 1918 году.

¹⁸ Е. Ф. Уайз (Е. F. Wise), один из секретарей Ллойда Джорджа, вел переговоры с делегацией Центросоюза в Копенгагене в качестве представителя Высшего экономического совета Антанты.

с РСФСР: на них все больше давил послевоенный кризис. На конференции Антанты в Сан-Ремо (в апреле 1920 г.) было доложено о копенгагенских переговорах с миссией Центросоюза, в результате чего Ллойд Джордж высказался за продолжение переговоров. Нитти (итальянский премьер и председатель конференции) заявил, что, если державы Антанты окажутся не в состоянии заключить общее торговое соглашение с Советской Россией, надо предоставить право каждой из этих держав искать путей к достижению двусторонних соглашений с РСФСР по торговым вопросам. Нитти даже предложил установить дипломатические отношения с Советской республикой, но это было отвергнуто конференцией. Зато по решению конференции Нитти предложил делегации Центросоюза прибыть в Лондон для продолжения переговоров.

В этой обстановке я считал целесообразным обратиться к Советскому правительству с просьбой не настаивать на предоставлении мне английской визы, а перенести переговоры в Лондон, отправив туда остальных членов делегации, во главе с Красиным, против которых у британского правительства не было возражений. Ведение переговоров в Лондоне открывало нам возможность непосредственного контакта с английскими демократическими кругами (прежде всего с рабочими) и использования их влияния на британское правительство, а косвенно и на другие правительства Европы. Ленин согласился с моим предложением, и 26 мая 1920 г. Красин с товарищами оказался в Лондоне».

Внутренняя ситуация в Англии в этот момент была крайне сложна и противоречива.

Я уже упоминал о борьбе в правящих классах Великобритании между двумя линиями по «русскому вопросу». На протяжении 1917—1921 гг. в англо-советских отношениях доминировали то твердолобые, то реалисты. Однако к началу 1920 г., после провала походов Колчака, Деникина и Юденича, многим в Англии (да и не только в Англии) становилось ясно, что «политика дубины» провалилась. Тем не менее в мае 1920 г., когда делегация Центросоюза прибыла в Лондон, борьба между обеими линиями еще далеко не была закончена. Это отразилось, как увидим ниже, на всем ходе переговоров и прежде всего на самой их организации.

Переговоры подобного рода, согласно обычным нормам, должны были бы вести с английской стороны министр иностранных дел совместно с министром торговли. Однако министром иностранных дел в тогдашнем коалиционном правительстве Ллойд-Джорджа был Керзон, ярый интервенционист, который всеми способами саботировал открытие переговоров с «большевиками». Чтобы преодолеть это препятствие, Ллойд-Джордж взял ведение переговоров непосредственно в свои руки. Ему помогал министр торговли Роберт Хорн. Керзон, таким образом, остался в стороне. Он, правда, присутствовал на некоторых заседаниях, но обычно ограничивался здесь лишь надменным молчанием. Он не подписал соглашения, когда оно в конце концов было заключено.

О той же борьбе между двумя линиями ярко свидетельствовала и сцена, разыгравшаяся на первом заседании 31 мая. На этом заседании с английской стороны присутствовали Ллойд-Джордж, Керзон, Роберт Хорн, Бонар Лоу и Хармсворт (депутат либеральной партии в парламенте)¹⁹. Войдя в кабинет премьера, где уже собрались все англичане, Красин поздоровался за руку сначала с Ллойд-Джорджем, а потом стал также за руку здороваться с другими присутствующими. Последним, к кому он подошел, был Керзон. Министр иностранных дел стоял спиной к камину, заложив руки назад. Красин протянул Керзону руку, но

¹⁹ Состав присутствовавших на заседании был опубликован в «Manchester Guardian» 1 июня 1920 года.

министр иностранных дел не пошевелился. Рука Красина повисла в воздухе. В кабинете премьера сразу создалась атмосфера напряжения. Тогда Ллойд-Джордж порывисто крикнул: «Керзон, будьте джентльменом!». Лишь после этого министр иностранных дел нехотя протянул Красину руку²⁰.

Самые переговоры о торговом соглашении, тянувшиеся почти 10 месяцев, распадаются на три главных периода.

Первый период охватывает около 5 недель — с 31 мая по 7 июля 1920 года. Он был наиболее деловым и плодотворным. Конечно, и тут между сторонами шла упорная борьба за каждую позицию, но все-таки со стороны англичан чувствовалось серьезное желание прийти к соглашению. И соглашение действительно стало намечаться после нескольких заседаний, после резкой ноты Красина от 29 июня, в которой против английских материальных претензий он выдвинул советские материальные контрпретензии, связанные с поддержкой Англией интервенции, а также предложил созыв англо-советской мирной конференции для урегулирования всех политических вопросов. После всего этого британская сторона 30 июня вручила Красину меморандум, на базе которого она считала возможным заключить торговое соглашение. Ллойд-Джордж потребовал ответа на английские предложения в течение 7 дней. 2 июля Красин уехал в Москву с меморандумом в кармане, а 7 июля Советское правительство уведомило британское правительство о своем согласии принять содержание меморандума за основу будущего соглашения. Одновременно была назначена новая делегация опять во главе с Л. Б. Красиным для завершения всех переговоров. Казалось, главное уже было сделано, и теперь оставалось лишь технико-юридическое оформление и подписание соглашения.

Но тут в ход англо-советских торговых переговоров грубо ворвалась польско-советская война, вызвавшая резкий подъем влияния сторонников «политики дубинки», и начался второй период переговоров, занявший около двух месяцев: июль — август 1920 года.

Хотя события 1919 г., касалось, должны были убедить Антанту в бесплодности интервенции, она все-таки решила еще раз попытать счастья в вооруженной борьбе против Советской России. На этот раз ее орудием оказалась панская Польша. Однако успехи польских войск были непродолжительны. 12 июня Красная Армия заняла Киев, через месяц вошла в Минск и развернула быстрое общее наступление на запад. Эти события сильно взволновали руководителей Антанты. 11 июля Англия от имени конференции держав Антанты, собравшейся в Спа, отправила Советскому правительству ноту, в которой требовала немедленного перемирия с Польшей и предлагала созвать в Лондоне мирную конференцию из представителей РСФСР и окраинных государств (кроме Эстонии, заключившей 2 февраля 1920 г. мир с Советской Россией). В ноте особо подчеркивался вопрос о перемирии с Врангелем. На предстоящей конференции Англия должна была играть роль арбитра-примирителя. 17 июля Советское правительство ответило нотой, в которой заявило, что не может допустить никаких посредников в своих отношениях с Польшей и что, если польское правительство обратится к Советскому правительству непосредственно, РСФСР будет готова вступить с Польшей в переговоры о перемирии и мире. Что же касается Врангеля, то он должен капитулировать. После получения этой ноты Ллойд-Джордж объявил в парламенте, что Англия не настаивает на своем посредничестве. Однако Польша не проявляла никакой инициативы в вопросе о мирных переговорах с

²⁰ Рассказ об этой сцене я лично слышал от Л. Б. Красина в 1926 году. Красин тогда был полпредом в Лондоне, а я работал в полпредстве в качестве советника. В 1935 г. я слышал описание той же сцены из уст лейбористского лидера Гарольда Ласки.

РСФСР. 20 июля Англия вновь адресовала Советскому правительству ноту, на этот раз очень нервную и встревоженную. Она предупреждала, что, если Красная Армия не приостановит своего наступательного движения, Антанта будет вынуждена вмешаться. Одновременно в Ревель, где тогда находился возвращавшийся из Москвы в Лондон Красин, была послана телеграмма, в которой британское правительство предлагало ему и делегации задержаться в Эстонии впредь до подписания польско-советского перемирия.

Наконец 22 июля Польша предложила Советскому правительству начать переговоры. На другой день Советское правительство уведомило Англию об открытии переговоров с Польшей и выразило согласие на созыв конференции держав Антанты с РСФСР, но без окраинных государств. 27 июля Ллойд-Джордж встретился с французским премьером Мильераном в Булони, и в результате их 3-часового совещания Советскому правительству была отправлена новая нота, датированная 30 июля, которая от имени Англии и Франции заявляла, что обе названные державы готовы участвовать в конференции РСФСР и держав Антанты, но при условии, что эта конференция прежде всего займется установлением мира между Польшей и Советской Россией, затем между Советской Россией и другими окраинными государствами и только после всего этого заключением мира между Советской Россией и Антантой. Таким образом, Антанта непременно хотела стать арбитром-посредником в отношениях между РСФСР и лимитрофами. Одновременно в Ревель была послана телеграмма, разрешавшая Красину вместе с делегацией прибыть в Лондон.

1 августа советские и польские делегаты встретились в Барановичах, однако 3 августа Англия направила Советскому правительству еще более резкую ноту. В ней говорилось, что, если Красная Армия будет продолжать свое наступление, Великобритания вынуждена будет активно выступить против РСФСР. 4 августа Ллойд-Джордж и Бонар Лоу приняли только что прибывших в Лондон советских делегатов во главе с Красиным. Ллойд-Джордж отказался обсуждать вопросы торгового соглашения и раздраженно заявил: «Ваши войска идут к Варшаве, это единственное, что в данный момент интересует Англию; она готова к выступлению, через 3 дня флот будет готов для действия, но, если вы пойдете на мир с Польшей, Англия будет рекомендовать Польше помириться с вами». Одновременно в печати шла бешеная антисоветская кампания. 6 августа состоялось новое свидание Ллойд-Джорджа с советскими делегатами. В это время Красная Армия находилась на расстоянии 70—80 км. от Варшавы. Ллойд-Джордж выступил теперь с ультимативным предложением 10-дневного перемирия, которое должно было начаться в ночь на 10 августа. Однако 7 августа Польша дала согласие на ведение переговоров не только о перемирии, но и о мире, в результате чего предложение Ллойд-Джорджа отпало. Тогда же в газете «Daily Chronicle», являвшейся официальным премьером, крупным шрифтом было напечатано: «Дан приказ о блокаде России»²¹. Трудно сказать, как пошло бы дальнейшее развитие событий, если бы как раз в этот момент в игру не вступил новый и чрезвычайно серьезный фактор: заговорили рабочие массы.

С самого начала Октябрьской революции широкие круги британского пролетариата относились к Советскому государству с самым искренним сочувствием, хотя часто неправильно понимали те или иные действия большевиков. Однако стихийным классовым чутьем они угадывали все-

²¹ О ходе переговоров см. «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов», стр. 38—49 и W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet relations. 1943. London, pp. 26—41.

мирно-историческое значение событий в России и их громадную роль в деле грядущего освобождения пролетариата. Им особенно импонировало то, что впервые в истории человечества простые люди от станка взяли власть в свои руки и не только сумели управлять крупнейшим государством, но и в труднейших внутренних и международных условиях одерживали блестящие победы над капиталистическим миром. Это подымало собственное самосознание английских рабочих и вселяло в их души чувство гордости за своих товарищей в России.

Не удивительно, что нападение Польши на РСФСР при всемерной поддержке со стороны Антанты вызвало большое волнение в английских рабочих массах.

Крупную роль в мобилизации масс сыграла незадолго до того возникшая и чрезвычайно активная организация «Руки прочь от России!». Среди лидеров тред-юнионов и лейбористской партии эта волна вызвала различные отклики. В подавляющем большинстве они были людьми весьма умеренных взглядов. Имелись в их числе открытые противники Советской России: Бауэрман, Эпплтон, Джон Уорд и другие. Имелись сторонники Советской России, например, Андерсон, Уоллхед, Нейл Маклин. Еще больше было руководящих деятелей, занимавших колеблющуюся позицию. Однако на них сказывалась горячая атмосфера сочувствия к Советской России, все шире распространявшаяся в массах английского рабочего класса.

Уже 23 июня 1920 г. конференция лейбористской партии в Скарборо приняла резолюцию, требующую, чтобы державы Антанты «отказались от прямых или косвенных атак против Советской России и оказали содействие свободному развитию и обмену ее национальных ресурсов»²². В течение последующих двух недель под влиянием известий с польского фронта и из дипломатических кругов боевое настроение масс усилилось. 6 июля генеральный секретарь лейбористской партии Артур Гендерсон вынужден был разослать местным отделениям партии следующую телеграмму:

«Крайне угрожающая возможность расширения польско-русской войны. Настойчиво рекомендую, чтобы местные отделения партии организовали демонстрации граждан против интервенции и снабжения Польши людьми и вооружением. Требуйте переговоров о мире, немедленного снятия блокады, возобновления торговых отношений. Шлите резолюции премьеру и в прессу. Устройте deputации местных депутатов парламента»²³.

Упав на раскаленную предыдущими событиями почву, эта телеграмма вызвала повсеместные демонстрации и митинги, участники которых выступали против интервенции и помощи белополякам. 13 августа в Лондоне была созвана специальная конференция тред-юнионов и других рабочих организаций, представлявшая свыше 8 млн. членов. На ней после целого ряда горячих выступлений был создан «Совет действия» и принята резолюция, требовавшая, чтобы британское правительство отказалось от всякой поддержки Польши и вернулось к торговым переговорам с РСФСР. «Совету действия» поручалось в случае объявления Англией войны Советской России немедленно призвать массы к всеобщей забастовке. Избранная конференцией специальная делегация посетила Ллойд-Джорджа и ознакомила его с принятыми постановлениями.

Данное выступление пролетариата сыграло громадную роль. Впоследствии У. Черчилль писал по этому поводу:

«Британская Рабочая Партия развила бурную агитацию против какой-либо помощи Польше с британской стороны... Во многих частях страны были созданы «Советы действия»... При таких условиях Ллойд-

²² W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 31.

²³ Там же, стр. 42.

Джордж был вынужден заявить Польше, что русские условия мира «не нарушают этнографических границ Польши, как независимого государства», и что, если они будут отвергнуты, британское правительство не сможет выступить против России»²⁴.

Впечатление, произведенное конференцией, было столь велико, что уже на следующий день, 14 августа, «Times» счел необходимым изменить свою позицию.

«Лидеры британского рабочего движения,— писала газета,— прекрасно знают, что ни один здравомыслящий человек в стране не желает «войны с Россией», или, если они этого не знают, то их невежество не делает им чести»²⁵.

Такой же внезапный отбой был дан и на страницах других органов печати.

Ход событий на фронте скоро вообще снял острый вопрос с порядка дня. С одной стороны, в течение июня и июля правительства Антанты, и в первую очередь правительство Франции, прилагали громадные усилия для укрепления позиций Польши. Туда шли военные материалы, оружие, люди. Туда направлялись военные миссии и эксперты. С другой стороны, были допущены известные промахи советским командованием.

«При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы,— отмечал В. И. Ленин в своем докладе X съезду партии,— несомненно, была сделана ошибка... перевес наших сил был переоценен нами»²⁶.

В середине сентября наступление Красной Армии было задержано под самой Варшавой, а затем Красная Армия была вынуждена отступить.

Эти обстоятельства имели непосредственное влияние на ситуацию в Лондоне. Английское правительство успокоилось, а английская пресса продолжала публиковать всякого рода антисоветские материалы.

Теперь начался третий и последний период в истории англо-советских переговоров о торговом соглашении, охватывающий 7 месяцев: с сентября 1920 по март 1921 года.

Сначала — в сентябре — октябре 1920 г. — поведение британского правительства в переговорах можно было уподобить «бегу на месте» — в расчете на то, что дни Советской России сочтены. В это время лишь отдельные, более дальновидные общественные и политические деятели продолжали настаивать на скорейшем возобновлении торговых переговоров между Англией и Советской Россией. Среди них особо следует упомянуть известного писателя Г. Уэллса, который тогда только что вернулся из поездки в Москву. Как свидетельствует его книга «Россия во мгле»²⁷, знаменитый романист многого не понял в нашей революции. Однако, к чести его, надо сказать, что осенью 1920 г. он выступил в газете «Sunday Express» с рядом статей, в которых доказывал необходимость сближения и взаимопонимания с РСФСР²⁸.

К концу года положение стало меняться. В ноябре 1920 г. войска Врангеля были сброшены в море, гражданская война в Европейской России и большей части Сибири заканчивалась. Эстония, Латвия, Литва и Финляндия подписали мир с РСФСР. Польша вела переговоры о заключении мира. Афганистан, Персия, Турция искали сближения с Советской Россией, которое нашло свое официальное выражение в договорах,

²⁴ W. S. Churchill. World crisis: The aftermath. London. 1929, p. 263.

²⁵ «Times», 14 августа 1920 года.

²⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 149.

²⁷ H. G. Wells. Russia in the Shadows. London. 1920.

²⁸ W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 46.

подписанных между ними и РСФСР в феврале — марте 1921 года. С каждым месяцем международное положение Советского государства укреплялось, и это имело своим результатом растущее расхождение по «русскому вопросу» между странами Антанты. Франция, которая никак не могла забыть одолженные ею царскому правительству и теперь аннулированные Советским правительством миллиарды, не допускала и мысли о каком-либо соглашении с РСФСР. Напротив, Англия, сильно страдавшая от послевоенного кризиса, искала рынков для своей промышленности и хотела развивать торговлю с Советской Россией. Конечно, и в Англии, как мы видели, имелось немало противников нормализации отношений с РСФСР, однако соображения экономического порядка вынуждали многих представителей делового мира высказываться в пользу заключения торгового соглашения с «большевиками». Известный либеральный журналист А. Каммингс, произведя обследование Сити, в октябре 1920 г. писал в газете «Daily News»:

«Я не встретил ни одного промышленника... который не хотел бы начать деловые отношения с Россией. Многие высказывали свое недовольство — подчас в очень красочных выражениях — по поводу того, что правительство препятствует этому»²⁹.

Расхождение между Англией и Францией по «русскому вопросу» нашло особенно яркое выражение в следующем факте: 11 августа 1920 г., в самый разгар польского кризиса, Франция, даже не известив Англию, признала правительство Врангеля.

Между тем жизнь преподносила правящим кругам Великобритании суровые уроки, из которых им приходилось делать неизбежные выводы. 9 ноября 1920 г. НКВД адресовал английскому правительству ноту, в которой, указывая на всевозможные провокации с британской стороны, предлагал Керзону дать прямой ответ на вопрос, желает ли Англия возобновить переговоры о торговом соглашении³⁰.

В тот же день на ежегодном банкете лорд-мэра Сити Ллойд-Джордж выступил с речью, в которой стремился представить английское правительство поборником мира в Восточной Европе³¹. На деле в его словах звучало желание установить торговые связи с Советской Россией. Через два дня, 11 ноября, английский министр торговли Роберт Хорн, выступая с речью в Оксфорде, высказался в пользу установления товарообмена между Великобританией и Советской Россией. 29 ноября английский правительство вручило остававшемуся все время в Лондоне Л. Б. Красину проект торгового соглашения с РСФСР. Условия этого проекта были значительно хуже тех, которые содержались в английском меморандуме от 30 июня, но во время свидания Л. Б. Красина с Ллойд-Джорджем, Бонар Лоу и Робертом Хорном 22 декабря советскому представителю удалось добиться существенного улучшения текста.

В Москве с величайшим вниманием следили за всеми перипетиями затанувшихся переговоров. Выступая на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г., В. И. Ленин говорил по поводу лондонских переговоров:

«В Центральном Комитете партии приходилось этот щекотливый вопрос обсуждать в последнее время очень усердно. Мы возвращались к нему необыкновенно часто, причем наша политика здесь ясно определилась в сторону максимальной уступчивости. Наша цель сейчас — получить торговое соглашение с Англией, чтобы начать товарообмен более правильно, чтобы для нашего широкого плана восстановления народного хозяйства получить возможность закупить необходимые машины возможно скорее»³².

²⁹ Там же, стр. 45.

³⁰ «Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов». М. 1921, стр. 45.

³¹ Там же, стр. 5.

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 441—442.

Для обсуждения создавшегося после встречи 22 декабря положения Л. Б. Красин был вызван в Москву, куда он уехал в первых числах января 1921 года.

Тем временем шла нотная полемика между НКВД и английским МИД. 31 декабря 1920 г. НКВД указал британскому правительству, что новые предложения английской стороны по торговому соглашению, врученные Л. Б. Красину 29 ноября, значительно отличаются в худшую сторону от прежних предложений, сделанных ему в меморандуме 30 июня. 7 января 1921 г. Керзон ответил резкой нотой, в которой тенденциозно излагал историю переговоров, но вместе с тем изъявлял готовность к признанию в некоторых областях специальных интересов РСФСР и выражал надежду на то, что Л. Б. Красин по возвращении в Лондон будет уполномочен подписать соглашение. 9 января 1921 г. НКВД направил Керзону свое возражение на его ноту от 7 января, а 4 февраля 1921 г. в особой ноте сообщил английскому Министерству иностранных дел свои поправки к новым предложениям английской стороны по торговому соглашению.

Несмотря на эту полемику, было очевидно, что обстановка складывается благоприятно для быстрого заключения соглашения. Однако английские апологеты «политики дубины» все еще не хотели сдаваться. Преследуя свои реакционные цели, они сделали две попытки по крайней мере задержать подписание англо-советского соглашения.

Во-первых, 20 декабря 1920 г. английский судья Рош вынес по одному делу решение, согласно которому ввезенные в Англию советские товары должны подлежать конфискации, если будет доказано, что они были экспропрированы у кого-либо правительством РСФСР. При той огромной роли, которую в Великобритании играют судебные прецеденты, это решение фактически делало почти невозможным нормальное развитие англо-советской торговли, даже если бы был подписан торговый договор.

Во-вторых, 28 февраля 1921 г. лейбористский «Daily Herald» сделал сенсационное разоблачение: в Лондоне систематически печаталась поддельная «Правда» с точным соблюдением ее внешнего вида, вся переполненная антисоветской пропагандой, загримированной как «новости». Эта фальшивая «Правда» затем посылалась органами «Интеллидженс Сервис» в Финляндию, откуда она тайно доставлялась в Советскую Россию. В ответ на запрос в парламенте министр внутренних дел Шорт вынужден был признать правильность разоблачения и в качестве извинения заявил, что органы разведки делали это без его ведома³³.

Но все эти усилия апологетов «политики дубины» уже не могли предотвратить неизбежного. 4 марта 1921 г. Красин вернулся из Москвы в Лондон и энергично повел дело к завершению переговоров. Владимир Ильич и все Советское правительство ждали с нетерпением их результатов. В отчетном докладе на открывшемся как раз в это время X съезде партии В. И. Ленин, касаясь лондонских переговоров, говорил:

«Сегодня, кажется, в газетах стало известно, что Красин в Лондоне сообщил прессе, что он рассчитывает на быстрое подписание торгового договора. Я не знаю, вполне ли обеспечено осуществление этой надежды. Я не могу решить, случится ли так действительно, но, со своей стороны, я должен сказать, что мы в Центральном Комитете этому вопросу уделяли громадное место и считали правильным с нашей стороны тактику уступок, дабы добиться торгового соглашения с Англией»³⁴.

Наконец наступил решающий день: 16 марта 1921 г. первое торговое соглашение между РСФСР и Англией было подписано с советской стороны Л. Б. Красиным, с английской стороны — министром торговли Ро-

³³ W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 47—52.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 157.

бертом Хорном. 22 марта соглашение обсуждалось в Палате общин. Во время дебатов, защищая сделанный им шаг, Ллойд-Джордж сказал:

«Мир невелик, и нации очень зависят друг от друга. Мы зависим от России, и Россия зависит от нас. То, что мы сделали, лежит не только в интересах России, но в общем интересе всех».

И затем он прибавил, имея в виду руководителей Советского государства:

«Они очень способные люди. Я никогда в этом ни минуты не сомневался»³⁵.

Оставалось, однако, еще одно серьезное препятствие для развития торговли между Англией и Советской Россией — это решение судьбы Роша от 20 декабря 1920 г., о котором речь шла выше. 12 мая 1921 г. апелляционный суд отменил это решение и постановил, что, поскольку теперь Советское правительство признано де-факто британским правительством, ввозимые в Англию советские товары, а также советское золото являются неприкосновенными³⁶. Дорога для широкого развертывания торговых отношений между обеими странами была открыта.

Сущность англо-советского торгового соглашения 1921 г. сводилась к следующему:

1. В преамбуле обе стороны давали обязательство «воздерживаться от враждебных действий против другой стороны и от ведения вне своих собственных границ какой-либо официальной пропаганды, прямой или косвенной, против учреждений Британской империи и РСФСР». Специально в этой связи упоминались, с одной стороны, Индия и Афганистан, а с другой стороны, «страны, составлявшие часть бывшей Российской империи и ныне ставшие независимыми».

2. В ст. 1 обе стороны соглашались не устанавливать друг против друга блокады и устранить все препятствия для возобновления между Англией и РСФСР торговли, основанной на принципе наибольшего благоприятствования.

3. В ст. ст. 5—8 предусматривалось право обеих сторон назначать своих официальных представителей, пользующихся дипломатическими привилегиями, для ведения торговли и выдачи виз.

4. В ст. 9 британская сторона обязывалась «не предпринимать по собственной инициативе каких-либо шагов с целью наложения ареста на какое-либо золото, фонды, ценности или товары», ввозимые в Англию советской стороной.

5. В ст. 13 устанавливалось, что соглашение вступает в силу немедленно, пока не будет заменено общим мирным договором, который в дальнейшем должны заключить РСФСР и Англия.

В приложенной к соглашению «Декларации о признании претензий» Советское правительство заявляло, что оно «в принципе признает себя обязанным уплатить возмещение частным лицам, предоставившим России товары, либо услуги, за которые им не было уплачено». Однако практическое урегулирование всех таких претензий откладывалось до заключения только что упомянутого общего мирного договора³⁷.

Этот небольшой по объему дипломатический документ имел поистине историческое значение.

Во-первых, англо-советское торговое соглашение не было обычным торговым соглашением, имевшим целью лишь регулировать коммерче-

³⁵ См. W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 53.

³⁶ Там же, стр. 54.

³⁷ «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства за 1921 год». № 74, стр. 600—601.

ские операции между двумя странами; это было соглашение торгово-политического характера: оно давало РСФСР признание «де-факто» со стороны крупнейшей капиталистической державы Европы, которая в то время еще успешно ославивала у США роль ведущей страны капиталистического мира. Для Советской России 1921 г. это имело очень большое международно-политическое значение.

Во-вторых, то же соглашение ставило на прочную почву торговлю между РСФСР и Англией и позволяло Советскому государству в кратчайший срок закупить в Великобритании потребное для его хозяйства оборудование, о чем так энергично заботился Ленин³⁸.

В-третьих, и это было особенно показательно, соглашение 1921 г. впервые в истории европейской дипломатии официально признавало принцип монополии внешней торговли и как логический вывод отсюда предусматривало создание государственных торговых представительств с дипломатическими привилегиями для ведения коммерческих операций между двумя странами. На базе данного соглашения в Англии было создано первое советское торгпредство, которое в дальнейшем послужило образцом для создания аналогичных учреждений в других странах.

В-четвертых, очень острый в те годы вопрос о компенсации за национализированную Советским правительством собственность британских граждан откладывался до заключения общего мирного договора между РСФСР и Англией. Ввиду того, что по разным причинам общего мирного договора между обеими странами так никогда и не было заключено, Советскому государству не пришлось выплачивать этих претензий.

В-пятых, наконец, соглашение 1921 г. если не вполне гарантировало Советскую державу от «враждебных действий» с английской стороны, то, во всяком случае, значительно ослабляло их опасность.

Поэтому имеется полное основание считать англо-советское соглашение 1921 г. крупнейшей победой в ранней истории советской дипломатии, победой, которая нанесла смертельный удар капиталистической блокаде тех лет.

³⁸ С чисто экономической точки зрения соглашение 1921 г. оказалось для Советской России чрезвычайно выгодным. Об этом свидетельствуют цифры англо-советской торговли за 1921—1927 гг. — годы действия названного соглашения, ибо в июне 1927 г. оно было разорвано британским правительством одновременно с разрывом дипломатических отношений (установленных в 1924 г.) между Англией и СССР. В самом деле, англо-советская торговля за 1921—1927 годы представляла следующую картину:

Год	Советский импорт из Англии	Советский экспорт в Англию
(в тыс. фунтов стерлингов)		
1921	3 391	2 695
1922	4 611	8 103
1923	4 481	9 266
1924	11 073	19 774
1925	19 257	25 322
1926	14 401	24 130
1927	11 290	21 052
Итого	68 504	110 342

Таким образом, за семь лет, из которых один год (1927) был неполный, Советское государство не только ввезло из Англии большое количество машин и другого оборудования, но и имело еще активный баланс в сумме 41 838 тыс. фунтов (цифры для таблицы почерпнуты в книге W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet relations, p. 777).